

Любовь по расписанию

Александра Шапкун

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александра Сергеевна Шапкун

Любовь по расписанию

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73102778

SelfPub; 2026

Аннотация

«Все самые важные вещи случаются вне календаря».

Их встреча – случайность. Их союз – невозможность. Он предлагает ей «оптимизировать хаос»: разложить её жизнь на цветные блоки, вычислить время для сна и даже для мечты – рисования детских книг. Она соглашается, не подозревая, что этот холодный, логичный человек станет её главной погрешностью.

Но что делать, когда любовь пытаешься запланировать, а она отказывается вписываться в слоты? Когда голосовые сообщения значат больше, чем отчёты, а шестерёнки от старых часов становятся важнее бизнес-планов? Как выжить двум перфекционистам, чьи безупречные системы дают сбой – сначала в тишине берлинской ночи, а потом в громком крахе всех планов?

«Любовь по расписанию» – это роман не о том, как встретиться. А о том, как научиться жить после встречи. Когда каждое «я здесь» становится риском. Каждая «погрешность в 0,5%» – шансом. А самое важное оказывается не в плане, а в смелости от него отклониться.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	10
ГЛАВА 2: АУДИТ	17
ГЛАВА 3: СОВМЕСТНЫЙ ДОКУМЕНТ	29
ГЛАВА 4: СБОЙ В ПРОТОКОЛЕ	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александра Шапкун

Любовь по расписанию

Иногда самое важное – это то, чего нет в твоём календаре.

ПРОЛОГ

Звук отбоя на посадку в самолет прорезал воздух аэропорта. Анна автоматически потянулась к карману куртки за телефоном – последний ритуал перед отрывом от земли. Палец замер над экраном.

На нем, поверх бесстрастной мозаики календаря с блоками «Вылет», «Резиденция», «Берлин», висело уведомление. Не из рабочего чата. Не от коллег. Из их общего, единственного чата: A&M.

И это было голосовое сообщение. От Марка.
Длительностью семь секунд.

Она моргнула, перечитала. Он ненавидел голосовые сообщения. «Непродуктивно, – говорил он с той мягкой, незыблемой уверенностью, с которой констатируют закон физи-

ки. – Нельзя просканировать взглядом. Чистая потеря времени. Текст – это данные. Голос – это шум».

Сердце сделало неосторожный, громкий удар где-то под ребрами. Анна приложила один наушник к уху, другой оставив свободным – на случай экстренного объявления, – и нажала play.

Сначала – просто шум. Фоновая какофония города, приглушённая. Потом – его дыхание. Не ровное, как во время медитации. Неровное, с лёгкой хрипотцой на вдохе. И фоном – тихое, упрямое тик-тик-тик его напольных часов. Он был дома. В своем лофте. В пустоте, которая наступала после того, как все задачи дня отмечены галочкой.

Потом голос. Его голос. Но не тот, каким он вел переговоры – отточенный, холодный. Этот был приглушённым, усталым, лишённым привычной брони. Почти срывающимся на шепот.

«Просто... удачного полёта. И...»

Пауза. Затянувшаяся. В ней слышалось, как он сглатывает.

«...скучаю уже».

Ещё одно дыхание. Более глубокое. И сообщение оборвалось.

Семь секунд. Семь секунд незащищённого, неотредактированного времени. В которых было больше честности, чем во всех их идеально спланированных уик-эндах и синхронизированных календарях, вместе взятых.

Самолет тронулся с места, давление вдавило Анну в кресло. Она прижала ладонь к холодному стеклу иллюминатора, за которым сливались в огненную реку огни ночного города. Города, в котором остался он. Со своей тикающей тишиной и этими семью секундами, которые теперь жили в её теле, как крошечная, горячая точка.

И тут её пальцы, скользящие по грубой ткани куртки, нащупали в глубине кармана что-то маленькое, твёрдое, металлическое. Она нахмурилась, достала. На её ладони, освещённые голубоватым светом экрана, лежала одинокая, латунная шестерёнка. С мелкими, острыми зубцами.

Она перевернула её. Это была не бижутерия. На поверхности были царапины, следы машинного масла, потёртости. Деталь от старого механизма.

Откуда? В её памяти всплыла картинка: сегодня утром, на пороге её квартиры, Марк, помогая застегнуть молнию на перегруженной сумке, на секунду потерял равновесие, упёрся ладонью ей в бок, в карман куртки... Его пальцы что-то задели, и раздался лёгкий металлический звон – что-то упало на пол прихожей. Он тогда быстро поднял, сунул в свой карман, извинившись за неловкость. Видимо, это «что-то» и было теперь у неё. Мог ли он в этот момент рассеянности, в суете, сам того не осознавая, сунуть туда уже другую, похожую деталь из своего кармана? Это было похоже на сомнамбулический жест, на сбой в его безупречном алгоритме. Жест тоски, который опередил мысль.

Она сжала шестерёнку в кулаке, почувствовав, как зубцы слегка впиваются в кожу. Холодный, неоспоримо реальный факт.

Анна улыбнулась в темноту салона. Недотепа. Он всё ещё пытался упаковать чувство. Но уже не в слот календаря. В хрупкие, живые семь секунд тишины. И отправил вещественное доказательство – кусочек самого себя, деталь своей выверенной системы – самым неэффективным, иррациональным путём. С помутнением рассудка. С опережением графика.

Она откинулась на спинку кресла, закрыла глаза, зажав

в одном кулаке телефон, в другом – твёрдую шестерёнку. В кармане её куртки теперь лежало доказательство: самые важные сообщения приходят без уведомлений. А самые ценные подарки – без повода, без понимания, даже без памяти о самом акте дарения.

Самолет оторвался от земли. Анна не знала, что через три месяца, встречая её в этом же аэропорту, Марк разберёт на части свои старые карманные часы и подарит ей уже две сцепленные шестерёнки как символ. Она не знала, что эта одинокая деталь в её кармане – лишь первое, бессознательное слово в длинном диалоге, который им предстоит вести на языке механизмов и тишины.

Но она чувствовала. Чувствовала, как холодный металл постепенно нагревается в её руке, становясь частью её собственного тепла. Как эти семь секунд его голоса выстраиваются в новый, неведомый алгоритм. Алгоритм доверия к тому, что ломает все расписания.

А самолет, набирая высоту, уносил её навстречу новым графикам и дедлайнам. Но теперь у неё был противовес всей этой тяжести. Семь секунд его тишины. И вес одной маленькой шестерёнки, которая, вопреки всем законам логики и планирования, оказалась здесь и сейчас, чтобы напомнить: настоящая история всегда пишется в режиме реального вре-

мени. С ошибками. С пометками. С подарками, смысл которых станет ясен только потом.

ГЛАВА 1

17:30. Коворкинг «Ритм». Конференц-зал.

Воздух был густым от концентрации и легкой паники. Паники успешных людей, которые боятся, что мир ускорился без них.

Марк Вершинин стоял у флип-чарта. Его голос был таким же четким и гладким, как стекло на фасаде небоскреба за окном. Он не вдохновлял. Он констатировал. И в этой спокойной констатации было больше силы, чем в любой истерике мотивационного спикера.

– Время – это не река, – говорил он, вода маркером по графику, где кривая «продуктивность» взлетала к потолку. – Это глупая метафора, оправдывающая пассивность. Время – это глина. Ваша глина. И если вы лепите из нее уродливые комки, а потом вздыхаете «эх, время утекает» – это не проблема времени. Это проблема скульптора.

Зал, забитый его зеркальными отражениями – людьми с дорогими часами на запястьях и вечной тревогой в глазах, – ловил каждое слово. Анна Трофимова сидела на последнем ряду. Она не писала. Она вычеркивала.

В блокноте Moleskine, рядом с распечаткой графика дежурств, висел список:

- Купить маме гипотензивные (срочно!).
- Сдать квартальный отчет по пациентам до 18:00 пятницы.
- Доделать иллюстрации для детской книги (ДЕДЛАЙН ВЧЕРА).
- Выспаться хоть раз.
- Позвонить Кате, она рождает в субботу.
- Не сойти с ума.

Последний пункт был перечеркнут одной жесткой, черной линией. Что было смешно. Она не спала нормально тридцать шесть часов. Её тело существовало в странном промежуточном состоянии: не бодрствование, но и не сон; постоянная легкая тошнота от перегруженного мозга и едва уловимое дрожание кончиков пальцев – профессиональный тремор, который она приписывала переизбытку кофе, но который появлялся всё чаще.

Голос со сцены пробивался сквозь вату усталости.

– ...ключевой навык – не многозадачность. Многозадачность – миф. Ключевой навык – приоритизация через безжалостный отказ. Вы не можете сделать все. Вы должны решить, что убивает вас быстрее всего – и сделать это в первую очередь.

«Что убивает меня быстрее всего? – тупо подумала Анна, разглядывая свои руки. Руки, которые сегодня четыре часа подряд, не дрогнув, держали скальпель. И проиграли. – Возможно, чувство, что я уже умерла где-то внутри, а мое тело еще ходит по этим мастер-классам».

Она посмотрела на спикера. Марк Вершинин. Венчурный аналитик. Выглядел он нечеловечески собранным. Но что-то было в уголках его рта. Легкая напряженность. Как у человека, который постоянно держит в уме сложное уравнение и боится, что одна переменная выйдет из-под контроля.

– Спасибо! Время для вопросов – ровно семь минут, – раздался голос ведущего.

Анна встала. Ей нужен был воздух. И кофе. Она просочилась к стойке с напитками и с тоской уставилась на эспрессо-машину.

– Выбирая кофе после шести, вы крадете время у своего будущего сна, – раздался голос рядом. Спокойный, с легкой, почти незримой иронией.

Она обернулась. Это был он. Спикер. Марк. Ближе он казался моложе. И уставшим. Тень под глазами, которую она приняла за стиль, вблизи оказалась настоящей, синеватой.

– А выбирая сон, я краду время у всего остального, – парировала Анна. – Получается, я вор в законе. Профессионал.

У него дрогнул уголок губ. Не улыбка, а её эскиз.

– Закон как раз я только что излагал. И, кажется, вы его нарушаете первым пунктом. – Он вежливо кивнул на её блокнот, торчащий из сумки. Там красовался вычеркнутый пункт «Не сойти с ума».

Анна инстинктивно прикрыла сумку рукой. Неловкость ударила в лицо.

– Это... медицинский термин, – соврала она. – Для внутренней отчетности. Шкала выгорания.

– Понимаю, – сказал он, и в его глазах – серых, очень внимательных – мелькнул неподдельный интерес. Не к её внешности, а к этой трещине в фасаде. – Вы врач?

– Реаниматолог, – ответила она, и тут же пожалела. Теперь он будет говорить что-то про «ангелов в белых халатах».

– То есть профессиональный «тушитель пожаров», – заключил он, и его тон был лишен слащавости. Он был аналитическим. – Которых мой график призывает ликвидировать в первую очередь. Логично. Приоритизация.

Анна почувствовала странное облегчение. Он не стал вешать ярлык. Он классифицировал.

– Что-то вроде того, – сказала она, делая глоток эспрессо. Он был горьким и обжигающим. Идеально.

– А что вы здесь делаете? – спросил он, отхлебнув воды. – У вас, кажется, пожаров и так выше крыши. Ваш график дежурств выглядит как зона боевых действий.

Он прочитал. За те две секунды, пока блокнот был виден. Он не просто увидел – он проанализировал и сделал вывод. Анна посмотрела на него – на этого человека-алгоритм. И вдруг, на волне усталости, сказала правду.

– Я хочу найти время, чтобы рисовать. Детские книжки. Смешных монстриков. А для этого нужно... выпланировать хаос. Или высистематизировать аврал. Кажется, я пытаюсь натянуть сову на глобус. Ваш глобус.

Он замер, изучая её. Взгляд его стал заинтригованным. Как будто он увидел интересную, сложную задачу. Уравне-

ние с множеством неизвестных.

– Хаос плохо поддается систематизации, – произнес он. – Но можно создать для него защищенный контейнер внутри расписания. Небольшой, но неприкосновенный.

– Как реанимация для иллюстраций? – усмехнулась Анна.

– Что-то вроде того, – кивнул он. – Если правильно рассчитать нагрузку на основную систему.

Ведущий объявил, что мероприятие окончено. Люди хлынули к выходу. Марк посмотрел на умные часы. Рефлекс.

– У меня сейчас есть окно, – сказал он, глядя не на часы, а на неё. – Двадцать минут до следующего звонка. Если хотите, я могу показать вам, как создавать такие контейнеры. На ваших данных.

Это было самое странное предложение, которое она слышала за последние годы.

И Анна, которая ненавидела тратить время впустую, кивнула.

– У меня есть тридцать, – сказала она. – Потом мне на ночное дежурство.

– Идеально, – сказал он, и в его глазах вспыхнула крошечная искра вызова. – Начинаем. Первое правило: мы не говорим «как прошел день». Это эмоциональный шум. Мы говорим «какие три задачи были максимально приоритетными и

почему». Готовы?

Он достал телефон. Она вздохнула и потянулась за своим.

Их история началась. Не с взгляда через комнату. Не с прикосновения. С синхронизации двух экранов в тихом углу шумного коворкинга.

17:45 – 18:15.

ГЛАВА 2: АУДИТ

Три дня спустя Анна стояла перед стеклянной дверью переговорной в городской библиотеке. Через стекло она видела его. Марк сидел за столом, его профиль был обращен к окну, за которым медленно плыли тяжелые осенние тучи. Он что-то быстро печатал на планшете, его пальцы двигались с безошибочной точностью пианиста, играющего сложный этюд. Рядом стоял термос и две чашки – не библиотечные, а его собственные, керамические, простой формы. Белая, с шершавой, неглазурованной поверхностью. На дне, снаружи, была выцарапана крошечная надпись: «v.1.0». Все было подготовлено, как к хирургической операции.

Она вздохнула, отдернула тяжелую дверь. Звук шипения и скрежета заставил его поднять голову.

– Точно по времени, – сказал он, не как комплимент, а как констатация удовлетворительного факта. – Я закончил предварительный анализ. Садитесь.

Анна сбросила с плеч тяжелую сумку, набитую медицинскими журналами и тем самым блокнотом, где список дел за три дня разросся до невообразимых пределов, обрастая побочными ветками, как зловещее дерево.

– Вы выглядите... менее дезориентированно, – заметил он, изучая ее. – Спали больше четырех часов?

– Пять с половиной, – с некоторой гордостью ответила Анна, садясь напротив. Она сняла очки, протерла их краем свитера. – Я делегировала. Попросила маму купить себе лекарства через приложение с доставкой.

– Отлично. Первый шаг к системному решению. – Он развернул планшет к ней. – Итак, на основе предоставленных вами данных о дежурствах, дороге, сне и базовых потребностях, я построил модель.

На экране была Карта ресурсов и угроз Анны Трофимовой, v.1.0. Жизнь, разобранная на разноцветные блоки, как тело на патологоанатомическом столе.

Сон (фиолетовый): катастрофически тонкие, прерывистые полосы. Средняя продолжительность – 4.2 часа. Фаза быстрого сна (REM) – в дефиците 60% от нормы.

Работа (красный): массивный, давящий пласт – 68% недельного времени. Сверхурочные отмечены более темным оттенком, как зоны некроза.

Дорога (серый): 11%. Пассивные потери.

Бытовые задачи (коричневый): 9%. Неоптимизированный ручной труд.

Оставшееся (белое): 4%. Разрозненные островки.

– Четыре процента, – он ткнул пальцем в жалкие белые промежутки, – Это ваш гипотетический «контейнер». Примерно пять с половиной часов в неделю в раздробленном виде. В текущей модели их хватает только на физическое восстановление до минимально рабочего состояния. На «рисование детских книжек» – статистический ноль.

Анна сглотнула. Видеть свою жизнь как график, как холодную диаграмму, было унижительно и страшно. Как рентгеновский снимок, показывающий запущенную, неизлечимую болезнь. Трещины в костях от усталости. Затемнения в легких от невысказанного.

– Я знаю, – тихо сказала она, отводя глаза от экрана к своим рукам. Рукам, которые сегодня утром едва могли удерживать чашку, а вчера держали эндотрахеальную трубку, вводя её в трахею пациента с отёком гортани. Дрожь появилась только потом, в ординаторской, когда адреналин отступил.

– Нет, – поправил он мягко, но неумолимо. – Вы чувствуете. Я – знаю. И вот что знаю я: эти четыре процента – не ресурс. Это шум. Погрешность. Система, работающая на пределе 96% времени, всегда дает сбой. Вы – на стадии пред-

сбоя. Это видно по распределению фаз сна и по периодичности критических ошибок в планировании.

– Каких ошибок? – насторожилась Анна. Её сердце упало куда-то в холодную пустоту.

– Ваш график дежурств – «сутки через трое» – выглядит как зона боевых действий, – сказал он, глядя прямо на нее. Его взгляд был лишен упрека, лишь констатация. – Но здесь есть закономерность. После суточного дежурства у вас обычно идет 24-36 часов относительно свободного времени, которое вы, судя по данным, тратите неэффективно: на пассивное восстановление и хаотичное решение накопившихся мелких задач. Это классические симптомы когнитивной перегрузки. Вы дважды за последний месяц планировали визит к стоматологу на часы своих ночных дежурств. И один раз записались на сдачу крови в день, когда у вас была запланирована сложная операция. Это классические симптомы когнитивной перегрузки. Мозг экономит ресурсы, отключая «неважное» планирование. Но стоматолог и донорство – это важно. Это базовое обслуживание системы.

У неё похолодело внутри. Она не помнила этого. Совсем. Провалы в памяти, черные дыры в календаре. Как ватные тампоны, забытые в полости после операции. Мелкие, но чреватые сепсисом.

– Что предлагаете? Лечь и умереть? – в её голосе прозвуч-

чала озлобленность, последний бастион защиты.

– Нет, – он покачал головой, и в его взгляде не было насмешки. Была холодная, почти хирургическая концентрация. Та же, что у неё в операционной, когда нужно принять решение за долю секунды. – Предлагаю провести операцию. Не над расписанием. Над вашими ожиданиями и над архитектурой вашей недели. Вам не хватает времени. Его физически нет. Значит, его нужно отвоевать.

Он перелистнул экран. Появилась новая схема, похожая на реорганизованный пазл. Красный блок «Работа» был рассечен линиями, как скальпелем.

– Отвоевать можно только у одного источника. У красного блока. У работы.

– Я не могу меньше работать! – вырвалось у Анны, и она тут же сжала губы. – У меня пациенты. Жизни. Это не офисные отчеты.

– Не меньше. Иначе, – перебил он, и в его голосе впервые прозвучала твердая, командная нота. – Смотрите.

И он начал. Раскладывал её неделю как стратег – поле боя. Объединял разрозненные задачи в логические блоки. Нашел «паразитарное время» – те 15-20 минут между сменами, которые она тратила на бесцельный скроллинг соцсетей в ординаторской, потому что мозг отказывался включаться в новое дело, но и отключиться не мог. Он называл это «бу-

ферными потерями». Предлагал делегировать: заказ продуктов на неделю, уборку раз в две недели силами клининговой службы.

– Это стоит денег, которых у меня нет, – возразила она, чувствуя, как старые аргументы бедности и гордости встают стеной.

– А сколько стоит ваш час? – спросил он, не моргнув глазом. – Ваш час как врача-реаниматолога высшей категории, с учётом сверхурочных, ночных и экстренных вызовов? Давайте посчитаем. Ваша официальная зарплата, разделённая на реально отработанные часы. Получаем сумму X . Если услуга клининга стоит меньше, чем X , умноженное на время, которое вы на нее тратите, – вы в плюсе. Вы не платите деньги. Вы инвестируете их. Вы меняете непродуктивный, выматывающий час на час потенциально продуктивный. Вы финансируете свой стартап под названием «Анна-иллюстратор». Это не трата. Это перенос капитала из низкоэффективного актива в актив с потенциалом роста.

Он говорил о её жизни, как о балансовом отчете неудачного предприятия. Это бесило. И в то же время завораживало своей леденящей, беспристрастной ясностью. В его мире не было места чувству вины, «надо» и «я должна». Были активы, пассивы, затраты и потенциальная прибыль. И впервые кто-то оценивал её не как святую, не как измотанную лошадь, а как бизнес, который ведёт неудачную финансовую

политику.

– Это звучит красиво, но моя карта не знает таких абстракций, – с горьковатой усмешкой сказала Анна.

– Тогда давайте считать это медицинской необходимостью, – невозмутимо парировал Марк. – Профилактикой профессиональной ошибки из-за переутомления. Ваша больничная страховка её не покрывает, но ваше будущее – да. Это не трата. Это инвестиция с самым высоким потенциалом ROI – возврата качества жизни. Первые два месяца я могу внести эту статью расходов в наш общий исследовательский бюджет по оптимизации. Как стартовый капитал в эксперимент. Если через два месяца вы решите, что эффект не стоит затрат – отказываемся. Но сначала – попробовать. На основе данных, а не предубеждений.

– И что, в этот «контейнер» я должна запихнуть все? Сон, спорт, рисование, встречи с друзьями, отношения, – спросила она, и голос её сорвался на сарказм.

Он на секунду замер. Слово «отношения» было сложной переменной в уравнении, которое он еще не решил.

– Сон – это не контейнер. Сон – это базовая инфраструктура. Её поломка ведет к коллапсу всей системы. Её нужно защищать в первую очередь, – сказал он методично. – Отношения... – он сделал паузу, впервые за весь разговор, сбив-

шись с ритма, глядя куда-то мимо неё, на стеллаж с толстыми томами. – Отношения должны быть либо частью этой инфраструктуры, не требующей чрезмерных ресурсов на поддержание. Либо... они становятся приоритетным активом, который помещается в «контейнер». Если их рентабельность – то есть, взаимная эффективность и отдача – оправдывает выделенные ресурсы.

В комнате повисло молчание. За стеклом кто-то шуршал страницами старого фолианта. Анна ощутила щемящее чувство одиночества. Его мир был так точен, так чист... и так безвоздушен. Любовь как «приоритетный актив». Счастье как «рентабельность».

– А вы? – неожиданно спросила она, ловя его взгляд. – У вас есть такой «контейнер»? Для чего-то, что не работает, не приносит денег, не оптимизирует процессы? Для чего-то просто... человеческого?

Марк откинулся на спинку стула. Его пальцы постучали по матовой поверхности планшета. Левая рука лежала на столе ладонью вниз.

– Моя работа и есть мой основной «контейнер», – сказал он ровно. – Решение сложных задач, построение моделей, предсказание трендов – это и есть творчество. Это наполняет.

– Правда? – только и спросила Анна, глядя ему прямо

в глаза, пытаясь найти там хоть тень сомнения, усталости, жажды чего-то другого. Взгляд его был прозрачным, как стекло. И таким же хрупким.

Он отвел взгляд. Первый раз за весь вечер. Посмотрел на свои часы – не умные, а механические на запястье, тонкие, с открытым турбиййоном. Слишком дорогие и сложные для простого измерения времени. Символ.

– Это эффективная модель, – сказал он вместо ответа. И в этих словах прозвучала не убежденность, а что-то вроде... заклинания. Мантры, которую он повторял себе каждый день, чтобы не усомниться.

В его телефоне, лежащем на столе, мягко, но настойчиво прозвенел будильник. Время «аудита» вышло.

– У вас есть два дня на размышление, – сказал Марк, собирая вещи с той же скоростью, с какой их доставал. – И черновой план действий. Если решитесь на операцию – сообщите. Я выделю слот на корректировку плана и настройку инструментов.

Он встал, поправил рукав рубашки. И Анна вдруг с острой ясностью поняла, что не хочет, чтобы он просто ушел. Чтобы этот странный, леденящий и такой болезненно-понятный разговор превратился в еще одну задачу в списке.

– Марк.

Он обернулся у двери, уже взявшись за ручку.
– Спасибо. Это было... бесполезно. Честно.

Он кивнул, и уголки его губ снова дрогнули в том самом подобии улыбки, которое было больше похоже на легкую судорогу от непривычного чувства.

– Самая высокая оценка, которую я могу получить. До связи, Анна.

Он ушел, оставив после себя легкий запах цитрусового одеколона и ощущение абсолютной, выверенной пустоты. Анна осталась сидеть перед своим открытым блокнотом. Она долго смотрела на диаграмму его планшета, которую он, уходя, оставил на экране. Потом перевела взгляд на свои карпулы.

Она открыла чистый лист. Вверху написала: «ОПЕРАЦИЯ. День 0. Хирург: Марк Вершинин. Диагноз: системный хаос. Прогноз: сомнительный.»

И ниже:

Опция А: Продолжать тонуть. Симптомы: выгорание, профессиональные ошибки (провалы в памяти, тремор), срывы дедлайнов по иллюстрациям, чувство вины перед ма-

мой, одинокая старость с кошками и альбомами нереализованных эскизов.

Опция Б: Провести операцию. Инструмент: его безумная логика. Анестезия: отсутствует (придется чувствовать каждый разрез). Риск: полный крах системы или неизвестные побочные эффекты. Потенциальный исход: контроль. Или нечто новое.

Она взяла ручку. Её пальцы, эти самые пальцы, которые должны быть твердыми как скала у операционного стола, дрожали. Она обвела «Опцию Б». Дрожащей, но решительной линией.

А потом, уже собираясь, она увидела, что он забыл одну из своих керамических чашек. Пустую. Ту самую, белую, шершавую. Она взяла её в руки. Чашка была неожиданно тяжелой, грубоватой на ощупь, нелакированной. На дне, снаружи, была выцарапана крошечная надпись: «v.1.0».

Её пальцы скользнули по шершавой поверхности, зацепившись за царапины глазури. И она подумала о его руках. О тех самых руках, которые так уверенно водили маркером по флип-чарту. Она поднесла чашку к лицу. От неё пахло горьким чаем и чем-то еще – холодным фарфором, чистой, одиночеством. Запахом его мира.

Она улыбнулась. Даже свою посуду он версионировал.

Она забрала чашку с собой. На память. И как залог. И как напоминание: у этого человека, за всеми графиками и алгоритмами, была кожа, которую можно поранить. И, возможно, была душа, которую тоже можно – нужно – научиться не царапать, а беречь. Или, как минимум, внести в список активов с высокой потенциальной рентабельностью.

На улице уже стемнело. Анна шла к своей машине, прижимая к груди сумку с блокнотом и странной тяжелой чашкой. В кармане её куртки лежала та самая одинокая шестерёнка с мастер-класса. Она провела по ней пальцем, ощущая зубцы.

Начиналось что-то. Непонятное. Страшное. И безумно логичное.

ГЛАВА 3: СОВМЕСТИМЫЙ ДОКУМЕНТ

Воскресный музей был храмом тишины и чистых линий. Выставка скандинавской графики поражала не буйством красок, а сдержанной мощью, где каждый штрих был выверен, как математическая формула. Анна стояла перед большой гравюрой, изображавшей шторм у скалистого берега. Море было передано не водой, а пересекающимися, почти хаотичными линиями, создававшими иллюзию движения, ярости и... абсолютного контроля. Хаос, взятый в рамки. Как её собственная жизнь в блокноте.

– Интересно, – проговорил рядом голос Марка. Он стоял, скрестив руки на груди, изучая не картину, а, кажется, её внутреннюю структуру. – Художник здесь использует принцип, похожий на алгоритм рандомизации с заданными ограничителями. Хаос не абсолютный. Он направленный. Как всплеск непредсказуемости на фондовом рынке – кажется случайным, но подчиняется глубинным паттернам. Его можно смоделировать.

– Ты смотришь на искусство как на код, – сказала Анна,

не отрывая глаз от штриховки, которая вдруг показалась ей знакомой. Такой же нервной, как линии в её блокноте в момент предельной усталости, когда рука уже не слушается.

– А как иначе? – он повернулся к ней, и в его глазах было искреннее недоумение. – Код – это язык. Искусство – язык. Разница лишь в синтаксисе и цели. Здесь цель – передать эмоцию через визуальный паттерн. В моей работе – предсказать тренд через числовой паттерн. Суть одна: найти порядок в хаосе данных. Увидеть систему.

Она отступила на полшага, чтобы лучше видеть картину, и вдохнула. Она ловила его запах в пространстве между ними. Не одеколон – тот был знакомой, цитрусовой маской. А его. Тёплый, чуть сладковатый запах кожи, смешанный с крахмалом свежевывстиранной рубашки и едва уловимой, металлической нотой стресса – как будто он часами держал во рту скрепку. Этот запах был противоречием его безупречности. Он был животным, человеческим, интимным. Она закрыла глаза на секунду, фиксируя этот сенсорный отпечаток: шторм на гравюре, серый свет из окна, тишина зала и этот запах – запах Марка, когда он увлечён. Данные, которые нельзя внести в таблицу.

Они медленно двигались по залу. Анна говорила об эмоциональном подтексте, о чувстве одиночества, которое сквозило в этих суровых северных пейзажах, о тоске по простому

человеческому теплу, которую нельзя передать алгоритмом. Марк слушал, кивал, а потом выдавал свой анализ: «Да, использование холодной цветовой палитры и угловатых форм действительно коррелирует с восприятием изоляции. Это можно измерить через отслеживание движения глаз и кожно-гальваническую реакцию зрителей. Но само ощущение... остаётся субъективным шумом. Интересная дилемма».

Это был диалог двух разных операционных систем, которые внезапно обнаружили, что говорят об одном и том же, просто на разных языках. И в этом не было раздражения. Было удивление. Как если бы ты всю жизнь пользовался Windows, а тебе показали Linux, и ты с изумлением понял, что тут тоже можно работать, просто по-другому. И, возможно, некоторые задачи решаются даже эффективнее.

Обед в музейном кафе плавно перетек в прогулку по осеннему парку. Листья хрустели под ногами, воздух пах дымом и прелой листвой. Они говорили уже не об искусстве, а о его механике, о её медицине, о том, как в обеих сферах главное – принятие решения на основе неполных данных.

– Ты никогда не боишься ошибиться? – спросила Анна, закутываясь глубже в шарф. – В своих прогнозах? Когда на кону миллионы?

– Страх – неэффективная эмоция, – ответил он, глядя

прямо перед собой. – Я работаю с вероятностями. Ошибка заложена в модель как переменная. Если вероятность провала превышает приемлемый порог, я не вкладываюсь. Это не страх. Это расчет. Управление риском.

– А в жизни? Вне работы? Когда на кону не деньги, а... ну, скажем, отношения? – она рискнула, бросив ему косой взгляд.

Он замедлил шаг, поднял лицо к серому небу, точно считывая с него данные о давлении, влажности, вероятности осадков.

– Жизнь – это работа с самыми сложными и неполными данными, – произнес он наконец. – Поэтому я и стараюсь структурировать её максимально. Чтобы уменьшить энтропию. Чтобы непредсказуемых переменных было меньше. Чтобы... – он запнулся, подбирая слово, – чтобы потенциальная погрешность не привела к фатальному сбою.

Вечером того же дня он оказался у неё на кухне. Это было нарушением негласных правил их «стратегического партнерства», которое до сих пор существовало в нейтральных, публичных пространствах. Но чайник уже кипел, а на столе лежало печенье из гипермаркета – тот самый «совместно потребляемый ресурс», как он бы сказал.

Марк сидел на табурете, прямая спина, руки сложены на

коленях. Он осматривал её кухню с тем же видом, с каким изучал музейные экспонаты: оценивающе, без осуждения, но с внутренним анализом. Его взгляд – сканирующий, быстрый – задержался на открытой папке с её эскизами на столе. На верхнем листе был набросок – его профиль, каким она запомнила его у флип-чарта. Угловатый, резкий, лишенный полутонов.

– Это я? – спросил он без смущения.

– Версия 0.1, – пошутила Анна, наливая чай в его белую чашку v.1.0, которую она специально поставила на стол. – Без графиков и КРІ. Чистое субъективное восприятие.

– Точность линий... приемлемая, – прокомментировал он, как инженер, оценивающий чертёж. – Передача угла наклона головы указывает на состояние концентрации. Мышцы шеи напряжены. Ты уловила паттерн стресса.

Он перелистнул страницу. И замер. Под портретом лежал другой рисунок, абстрактный. Две геометрические фигуры – строгий, острый треугольник и дрожащая, неровная окружность. Они не соприкасались. От окружности к треугольнику тянулась паутина тонких, прерывистых линий, как нервные импульсы, как разряды статического электричества. Внизу было подписано: «Попытка синхронизации. v.0.5. Страх дотянуться и ударить током. Или остаться в изоляции.»

– Это... – он начал и замолчал. Его пальцы, лежащие на столе, слегка пошевелились.

– Это мы, – тихо сказала Анна, не глядя на него, размешивая сахар в чашке. – Вернее, моя попытка понять «нас» как систему. До того, как ты начал строить свои графики и диаграммы.

Он долго смотрел на рисунок, его лицо было непроницаемой маской аналитика, но веки чуть дрожали, быстро моргая.

– Интересно, – произнес он, наконец, голос сухой, технический. – Ты изобразила эмоциональный диссонанс как разность потенциалов. Треугольник – проводник с высоким сопротивлением (логика, контроль). Окружность – источник переменного тока (эмоции, хаос). Эти линии... попытка установить связь при высоком риске короткого замыкания всей схемы.

– Не «короткого замыкания», – поправила она, наконец, поднимая на него взгляд. – Просто удара током. Боли.

– С точки зрения системы – это одно и то же. Сбой. – Он перевел взгляд на нее. В его серых глазах плавало что-то новое – не анализ, а признание. – Но ты подписала «попытка». Значит, несмотря на риск, процесс инициирован. Начался сбор данных.

Она перелистнула еще одну страницу. Там был другой на-

бросок. Те же фигуры, но треугольник казался менее острым, его грани были слегка сглажены. Окружность – более уверенной, её дрожь почти исчезла. Они по-прежнему не касались друг друга, но между ними теперь висела маленькая, коряво нарисованная чашка, из которой поднимались волнистые линии пара. Подпись: «Белый шум. v.0.7. Первое перемирие. Объект совместного пользования: чай. Тепло. Пар. Невербальный обмен ресурсами.»

Марк изучал этот рисунок еще дольше. Он даже слегка наклонил голову.

– Эволюция, – констатировал он. – Налицо смягчение границ и появление общего элемента с положительной коннотацией. Тепло. Пар. Невербальный, но значимый обмен ресурсами. Это... прогресс.

– Это не эволюция, – сказала Анна, но в уголках её губ дрогнула улыбка. – Это просто... полевые заметки. Фиксация данных, как ты сказал. Без предварительной гипотезы. Просто наблюдение.

– Самые ценные данные часто получают именно так, – серьезно сказал он. – Без предвзятости. Это чистый, неотфильтрованный сигнал.

Она села напротив. Тишина была уже не рабочей, а какой-то новой, натянутой, живой. И Марк, как будто чувствуя эту натянутость, вернулся к своему естественному состоя-

нию – к систематизации. К тому, что умел.

– Наши взаимодействия, – начал он, глядя не на нее, а в свою чашку с чаем, – показывают стабильно высокий балл эффективности и положительный эмоциональный отклик с обеих сторон. По предварительным, качественным данным.

Анна улыбнулась.

– Ты это констатируешь или предлагаешь?

– Констатирую факт. И на основе этого факта логично было бы перевести «стратегическое партнерство» на новый уровень. Эксклюзивный. Чтобы минимизировать риски распыления ресурсов и повысить прогнозируемость результатов. Оптимизировать процесс.

– Ты предлагаешь нам встречаться? – уточнила Анна, пряча улыбку за краем кружки. – Или подписать договор о неразглашении и эксклюзивном праве на совместное время-провождение?

– Я предлагаю определить четкие параметры, – серьезно сказал он, и в его серьезности не было пафоса, только концентрация. – Чтобы минимизировать риски недопонимания и эмоциональных потерь в будущем. Например: ожидаемая частота встреч, границы личного пространства и времени, протоколы коммуникации, финансовые взаимодействия.

И он, как ни в чем не бывало, открыл на планшете новый документ. Заголовок: «Протокол взаимодействия (черновик v.0.5). Категория: Стратегическое партнерство (эксклюзив). Цель: оптимизация взаимных ресурсов и максимизация позитивного синергетического эффекта».

Анна, смеясь и протестуя, прочла первые пункты. Все было четко, холодно и... невероятно безопасно. Как инструкция по сборке сложного механизма.

– Пункт четвертый, – сказала она, ткнув пальцем в экран. – «Финансовые взаимодействия делятся пополам, если иное не оговорено заранее». Это включает вот это печенье? И электричество, которое тратит этот чайник?

– Печенья являются совместно потребляемым ресурсом в рамках данной временной сессии, так что да, – кивнул он, не моргнув глазом. – Электричество – пренебрежимо малая величина в данном контексте, но если хотите, можем внести коэффициент. Для чистоты эксперимента.

– Боже, Марк, мы же не стартап, который раунд А ищет! Мы пытаемся... – она запнулась, ища слово, – понравиться друг другу.

– Но мы формируем основу для долгосрочного сотрудничества, – парировал он с непоколебимой логикой. – А финансовые недоразумения – одна из самых частых причин краха любых партнерств, как бизнес, так и личных. Я предлагаю не

игнорировать статистику, а учесть ее превентивно. Создать систему, устойчивую к типичным сбоям.

Она откинулась на спинку стула, смотрела на него – этого взрослого, блестящего, слегка травмированного жизнью человека, который пытался построить отношения, как неприступную крепость, с чертежами, расчетами и гарнизоном по расписанию. И её охватило не раздражение, а острая, щемящая нежность. Ему было страшно. Так же, как и ей. Только её страх кричал и метался, а его – заковал себя в броню алгоритмов и протоколов, чтобы не рассыпаться от одной мысли о возможной боли.

– Хорошо, – вздохнула она, сдаваясь. – Но я вношу поправку. Сюда, в преамбулу, перед всеми пунктами. Как условие.

Она взяла планшет. Он не сопротивлялся, лишь следил за движениями её пальцев. Она допечатала:

«Цель настоящего протокола – не регламентировать чувства, а создать безопасное и предсказуемое пространство для их возможного возникновения и развития. Все пункты могут и должны пересматриваться по запросу любой из сторон, если они перестают служить указанной цели».

Марк прочел. Его лицо, обычно такое выразительное в

своей сдержанности, ничего не выражало.

– «Чувства» – неисчисляемая и непредсказуемая переменная, – заметил он после паузы. – На неё нельзя опереться в планировании. Это шум в канале передачи данных.

– Именно, – сказала Анна, глядя ему в глаза. – И мы не пытаемся её исчислить. Мы просто оставляем для неё... место в документе. Белый шум. Неучтенный ресурс. Аванс доверия к хаосу. Без этого никакого эксклюзива.

Он долго смотрел на текст, будто решая сложное уравнение. Потом кивнул один раз, коротко и четко.

– Принято. Как метафора.

– Нет, – возразила Анна мягко, но твердо. – Не как метафора. Как условие. Иначе никакого эксклюзива. Я не могу подписать договор, в котором нет пункта о форс-мажоре в виде... ну, например, внезапного желания обнять тебя просто так. В нарушение всех графиков. Или сказать что-то глупое. Или помолчать, когда по протоколу положено обсуждать финансовые взаимодействия.

В комнате повисла тишина, густая и звонкая. Тикали часы на стене, шипел остывающий чайник. Марк поднял на неё взгляд. В его серых глазах что-то дрогнуло, как поверхность воды от брошенного камня.

– Ты – очень сложная система, Анна. С множеством скрытых процессов и недокументированных функций, – сказал

он, и в его голосе впервые прозвучало не раздражение, а что-то вроде уважения к сложности задачи.

– Спасибо, – улыбнулась она. – Ты – тоже. И твой интерфейс иногда слишком строгий для пользователя.

– Над улучшением интерфейса, – он сделал паузу, и губы его дрогнули в почти улыбке, – я готов работать. При условии качественной и своевременной обратной связи.

Он протянул руку через стол. Не для поцелуя. Для рукопожатия. Жест одновременно абсурдный и невероятно искренний. Жест человека, который знает только один способ скрепить сделку – честный, прямой, документированный.

Анна посмотрела на его руку – длинные пальцы, чистые ногти, никаких колец. И медленно, улыбаясь, протянула свою. Их ладони встретились. Его рукопожатие было твердым, теплым, без лишнего давления, но и без слабости. И она, задерживая его руку на долю секунды дольше необходимого, провела большим пальцем по его костяшкам. Там, под подушечкой её пальца, была едва заметная шероховатость – те самые заживающие царапины.

Марк вздогнул, почти неуловимо, но не отдернул руку. Его взгляд стал пристальным, вопрошающим.

«Проверка, – тихо сказала Анна, отпуская его руку. – Сигналы тела. Система заживления работает.»

Он опустил глаза на свою руку, потом снова на неё. И в уголках его рта появилось нечто более глубокое, чем улыбка – признание. Принятие.

«Спасибо, – произнёс он так же тихо. – За мониторинг.»

Этот жест – касание заживающих ран – был для них первым настоящим, непротокольным прикосновением. Оно говорило: «Я вижу твою боль. Я запомнила её. И я рада, что ей лучше.» Это было сильнее любого слова о чувствах. Это был договор, написанный на языке тел, на языке доверия к уязвимости.

И от этого жеста, от этой холодной, деловой формальности, которая вдруг стала самым горячим признанием («я серьёзен, я здесь, я беру на себя обязательства»), у Анны предательски защемило сердце. Так начиналось что-то настоящее. Несмотря на все таблицы. Или, как она начинала подзревать, благодаря им. Потому что в его мире, мире точности и контроля, это рукопожатие было эквивалентом клятвы на крови.

Он ушел ближе к полуночи, оставив на её столе распечатанную первую версию их Протокола. Анна взяла листок. Внизу, под всеми пунктами, его аккуратным, угловатым почерком было написано: «Сторона Б (Марк Вершинин) согласна с условием о «белом шуме». Экспериментально. На

период тестирования. Риски приняты.»

А рядом, уже её рукой, она дописала: «Сторона А (Анна Трофимова) принимает условия тестирования. И напоминает: даже лучший протокол может дать сбой. И это нормально. Это данные для следующей версии.»

Она прикрепила листок магнитом к холодильнику, рядом со списком дел и графиком дежурств. Три документа. Три мира. Которые теперь должны были как-то ужиться на одной металлической поверхности. Система, долг и... белый шум.

Перед сном она открыла альбом на новой, чистой странице. Взяла карандаш. Нарисовала треугольник и круг. На этот раз между ними не было паутины страха. Была только одна линия – тонкая, но уверенная, соединяющая их. И подпись: «Рукопожатие. v.1.0. Начало сбора данных о доверии. Эксперимент запущен. Статус: выполняется.»

И впервые за многие месяцы, ложась в постель, она думала не о том, сколько часов сна у неё осталось, а о том, каким будет их следующее «стратегическое мероприятие». И это чувство было настолько новым и незнакомым, что её, врача, почти пугало. Как будто у неё открылся новый, неизученный орган чувств. Орган, который реагировал не на боль или усталость, а на предвкушение. На предвкушение завтрашне-

го утра, в календаре которого висело событие: «Совместная работа. Коворкинг. Цель: проверка гипотезы о совместимости рабочих процессов. Допустимая погрешность: предварительно оценена как низкая.»

Засыпая, она улыбалась в темноту. Они не целовались. Не говорили нежных слов. Но они рукопожали. И в их странной, выверенной вселенной это, возможно, значило гораздо больше. А её рисунки теперь документировали не только страх, но и начало чего-то нового. Систему, которая, возможно, училась чувствовать. Сначала – через боль на коже. Потом – через тепло чашки. Теперь – через прикосновение ладоней. Следующая версия, v.1.1, могла быть о чем угодно. И в этом была самая большая, самая пугающая и самая прекрасная неизвестность.

ГЛАВА 4: СБОЙ В ПРОТОКОЛЕ

Они должны были встретиться в 19:30 в ресторане, который Анна выбрала месяц назад после тщательного анализа отзывов, и который Марк забронировал, отметив в календаре как «Эксперимент 3.1: совместное потребление ресурсов в среде с контролируруемыми сенсорными стимулами (вкус, текстура, акустика). Цель: сбор данных для расширения модели позитивных впечатлений.»

В 18:47 Анна только вышла из реанимации.

Операция, которая по плану должна была занять три часа, растянулась на шесть. Сложный случай, множественные осложнения. Пациент – мужчина лет сорока с диссекцией аорты – боролся. Они боролись вместе с ним. Делали всё, что знали, и даже то, что знали только в теории. И проиграли. Разрыв был тотальным, катастрофическим. Кровь, которую не успевали откачивать, заливала операционное поле, превращаясь из жизненной субстанции в абстрактную, липкую проблему логистики. Пульс на сонной артерии исчез в 18:33. Констатировали в 18:35.

Она стояла под ледяными струями душа в больничной раздевалке, пытаясь смыть с себя не только запах антисеп-

тика «Хлоргексидин» и крови, но и ощущение чужих внутренних под пальцами в перчатках, резиновых, скользких. И звук монитора, вытягивающего одну бесконечную, плоскую ноту. Вода была почти кипятком, но она все равно дрожала мелкой, неконтролируемой дрожью, как в септическом шоке. Её тело требовало одного: темноты, тишины и десяти часов беспомощности. Не ужина. Не разговоров. Не «контролируемых сенсорных стимулов». Ей нужно было исчезнуть, чтобы завтра снова возникнуть – функцией, инструментом, врачом. Не человеком.

В 18:52, все еще мокрая, завернутая в грубое больничное полотенце, она прислонилась лбом к холодному экрану своего телефона, запертого в шкафчике. Её пальцы скользили. Она нашла его номер. Не чат. Звонок. Она не могла печатать. Буквы расплывались.

Он ответил на втором гудке.

– Марк, – её голос прозвучал чужим, плоским, лишенным каких-либо интонаций. Как голос автоответчика, объявляющего об отмене рейса. – Всё плохо. Не смогу. Прости.

На той стороне – пауза. Не долгая. Ровно столько, сколько нужно, чтобы обработать входящие данные.

– Констатирую: форс-мажор, – произнес его голос. Четкий, ровный, без тени раздражения или разочарования. Про-

сто констатация. – Согласно пункту 4.2 Протокола, уведомление о срыве планов должно поступать не менее чем за 2 часа. Ваше уведомление запоздало на 1 час 22 минуты. Однако причина, исходя из вашего тона и контекста (вы на работе), попадает под категорию «прямая угроза жизни/здоровью (для Анны)» или «критическая профессиональная перегрузка». Основание для отмены – уважительное. Переносим мероприятие? Предлагаю слот в эту субботу, 20:00.

В его тоне не было ни капли раздражения. Только безупречная, кристальная логика. И от этой логики, от этой ледяной правильности, у Анны внутри все сжалось в тугой, болезненный комочек, подступивший к горлу. Она чувствовала, как по её спине, под мокрым полотенцем, стекает капля – то ли вода, то ли слеза. Холодная. Одна-единственная.

– Не «переносим», Марк, – прошептала она, и её шепот сорвался на хрип. – У меня... всё плохо. Пациент... мы боролись шесть часов. Шесть. И он... – голос сломался. Она не могла сказать «умер». Это слово было слишком тяжелым, слишком окончательным, чтобы произносить его в эту секунду в гулкой душевой, где эхом отдавался каждый её вздох. – Мы проиграли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.